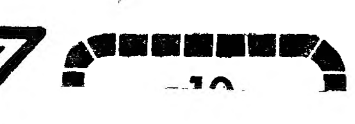
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 2
(815)
21-й год издания

ОГОНЁК

ВЫХОДИТ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМ

Танковый десант преследует отступающих гитлеровцев.

Фото М. Калашникова.

ХРОНИКА СОБЫТИЙ

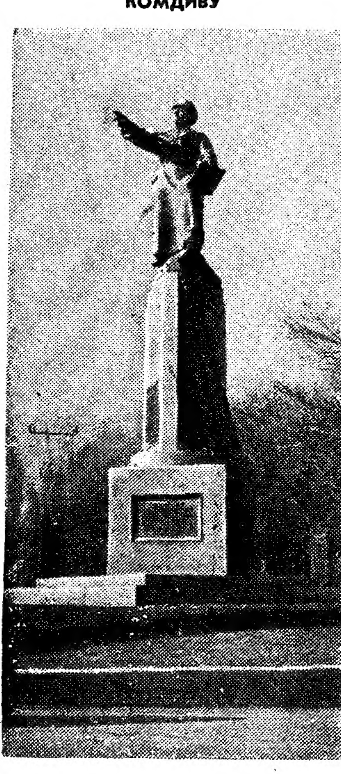

НА ОСВОБОЖДЁННОЙ ЗЕМЛЕ

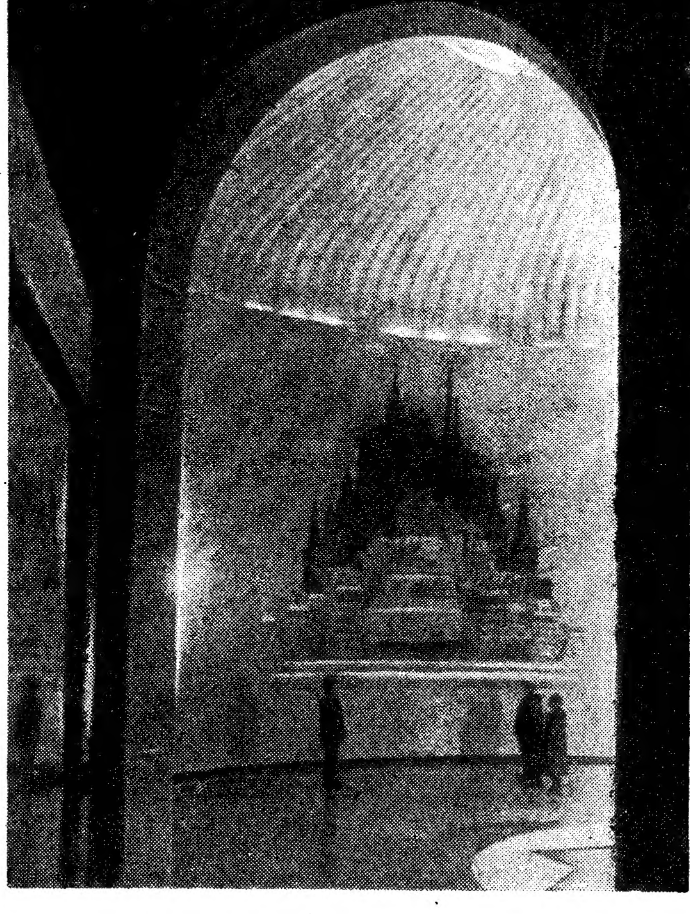
Несколько месяцев хозяйничали немецко-румынские бандиты в хуторе С., Ростовской области. Как только части Красной Армии освободили хутор, правление колхоза «Красный Октябрь» приступило к ремонту инвентаря. На снимке: бригадир колхоза Ф. Д. Козырев и учётчик Я. С. Панченко осматривают сеялки.

ПАМЯТНИК ЛЕГЕНДАРНОМУ КОМДИВУ

В столице Киргизской ССР городе Фрунзе воздвигнут памятник Герою Советского Союза гвардии генерал-майору И. В. Панфилову.

ВСТУПИЛА В СТРОЙ ТРЕТЬЯ ОЧЕРЕДЬ МЕТРО

Гитлеровская Германия будет разгромлена, а мы будем жить и наслаждаться всеми благами жизни. Воодушевлённые этой мыслью, московские метростроевцы двинули вперёд строительство третьей очереди столичной подземки и закончили его к 1 января этого года.

На снимке: прекрасный, просторный вестибюль новой станции метро — «Автозавод имени Сталина». В глубине — панно «Оборона Москвы».

«Я ИСКРЕННИЙ ПРОТИВНИК ФАШИЗМА»,—ЗАЯВЛЯЕТ ГРЕТА ГАРБО

В шведской печати опубликовано следующее заявление прославленной американской киноактрисы (Грета Гарбо по происхождению — шведка):

«Я испытываю сострадание ко всем людям, подвергающимся угнетению и издевательствам. Я всегда буду на их стороне. Ясно, что я не на стороне фашистов. Я не интересуюсь политикой. У меня никогда не было

никаких политических интересов. Я никогда не состояла ни в какой партии—ни здесь, ни в Швеции. Несмотря на это я искренний противник фашизма.»

Подруга Греты Гарбо Салли Виртель сказала: «Грета Гарбо постоянно всем, чем могла, содействовала моей работе по оказанию помощи антифашистским беженцам из Европы. Она всегда подчёркивала, что нет таких жертв, на которые не следовало бы идти, когда надо спасать от фашизма несчастных людей».

В СЧЁТ ГИТЛЕРУ

По английским данным, в Лондоне и его районе в итоге налётов немецкой авиации повреждено 1150 тысяч зданий, а по всей Англии — около 2750 тысяч. Из этого числа полностью разрушено 150 тысяч зданий.

КРАСКИ И МЕЛ — ПОД ЗАПРЕТОМ

Поставленный немцами бургомистр города Кроммени (Голландия) издал распоряжение: запрещается изображать смолой, краской, мелом или другими способами какие бы то ни было рисунки, цифры, буквы или знаки на дорогах, стенах, столбах, листах вдоль каналов и т. д.

Запрещено также возить ночью клей, краски, смолу и т. д. Нарушители будут подвергнуты тюремному заключению либо денежному штрафу в 300 гульденов.

Тот же бургомистр жалуется, что получает много «неприятных» анонимных писем.

«ПРОСВЕТИТЕЛИ»

О просвещении в фашистской Италии можно судить по следующему сообщению из Рима:

«Итальянский совет министров утвердил внесённый министром просвещения закон, согласно которому на всё время войны и на один год после ее окончания резко ограничивается приём в университеты».

ВО ИМЯ ПОБЕДЫ НАД ВРАГОМ!

Ферапонт Петрович Головатый.

Слова великого вождя советского народа товарища Сталина, сказанные им в канун 25-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, дошли до самого сердца советских патриотов. Ярчайшим проявлением чувства беззаветной преданности родине, глубочайшей любви и кровного единения народа с Красной Армией является замечательное движение наших дней — всенародный сбор средств на постройку танков и самолётов.

Почин был сделан колхозниками и колхозницами Тамбовской области, которые за две недели собрали 40 миллионов рублей на строительство танковой колонны «Тамбовский колхозник». С законной гордостью тамбовские колхозники сообщили об этом товарищу Сталину. В ответ товарищ Сталин послал на имя секретаря Тамбовского обкома ВКП(б) тов. Волкова следующую телеграмму:

«Передайте колхозникам и колхозницам Тамбовской области, собравшим 40 миллионов рублей в фонд Красной Армии на строительство танковой колонны «Тамбовский колхозник», — мой братский привет и благодарность Красной Армии.

И. СТАЛИН».

Славный почин тамбовцев был широко подхвачен трудящимися колхозной деревни Саратовской, Ивановской, Горьковской, Московской областей. Колхозник колхоза «Стахановец», Ново-Покровского района, Саратовской области, Ферапонт Головатый внёс на строительство боевого самолёта 100 тысяч рублей — все свои сбережения, заработанные честным колхозным трудом. Товарищ Сталин сердечно поблагодарил тов. Головатого в своей телеграмме:

«Спасибо Вам, Ферапонт Петрович, за Вашу заботу о Красной Армии и её воздушных силах. Красная Армия не забудет, что Вы отдали все свои сбережения на постройку боевого самолёта.

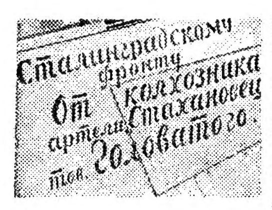
Примите мой привет.

И. СТАЛИН».

Благородная инициатива колхозника-патриота всколыхнула весь советский народ. Колхозники и колхозницы, рабочие и работницы, представители интеллигенции, учащиеся, жены и матери фронтовиков от всего сердца вносят свои сбережения для постройки боевых самолётов и грозных танков.

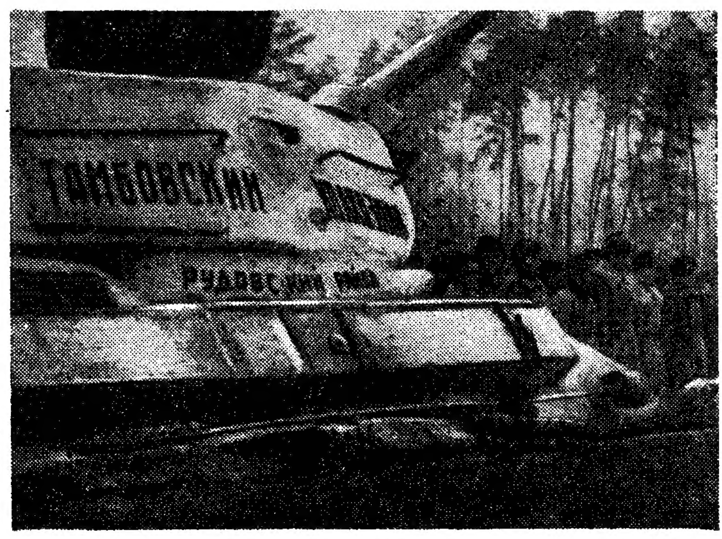
Изо дня в день наша печать публикует десятки писем советских людей к товарищу Сталину, в которых они выражают свои чувства глубочайшей любви и преданности родине, свою готовность отдать всё для уничтожения заклятого врага — немецко-фашистских захватчиков.

Почин тамбовских колхозников и саратовского колхозника Ферапонта Головатого вылился в общенародное движение, грандиозное по своим масштабам и замечательное по своему духу.

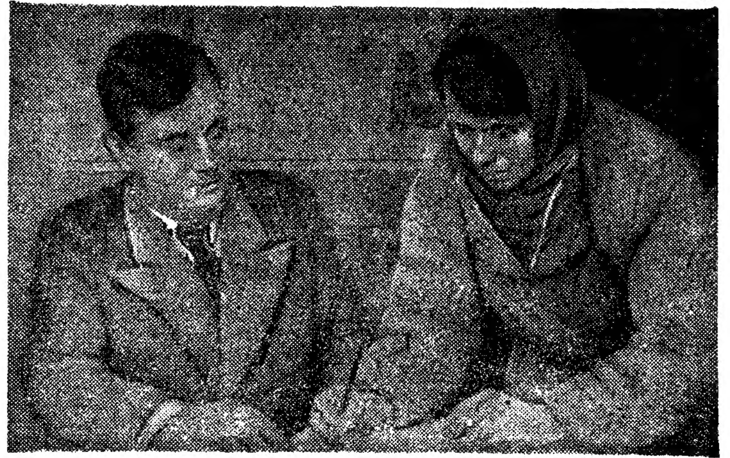

Надпись на самолёте, построенном на средства колхозника Головатого. Боевой самолёт, построенный на средства Ф. П. Головатого, поведёт гвардии майор Ерёмин. На снимке справа: колхозник Головатый и летчик Ерёмин обмениваются дружеским рукопожатием.

Пятьдесят восемь боевых машин построены на средства, собранные тамбовскими колхозниками. На снимках: торжественная передача танков частям Красной Армии.

Сто тридцать пять тысяч рублей внёс на строительство танков председатель колхоза «Заря социализма», Кунцевского района, Московской области, Сергей Петрович Аверин. Колхозники, вдохновлённые приветом товарища Сталина, решили построить дополнительно на свои сбережения боевой самолёт. На снимке: колхозница Е. П. Андреева подписывается на 5 тысяч рублей. Слева — С. П. Аверин.

Кадры из «Союзкиножурналов» №№ 88 и 89.
Кинооператоры В. Торчинский и А. Щекутьев.

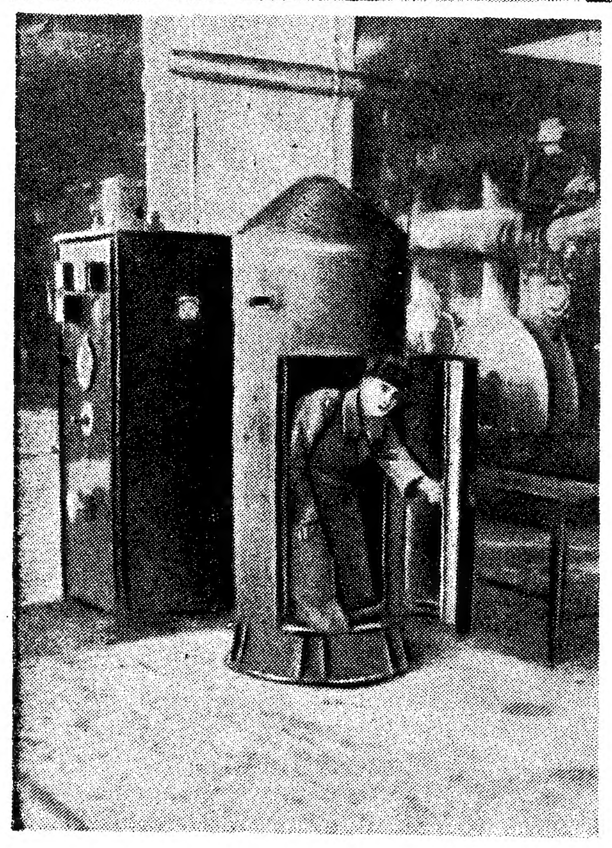
В ГЕРОИЧЕСКОМ ГОРОДЕ

В Сталинграде части Красной Армии очищают от гитлеровцев улицу за улицей, квартал за кварталом. На окраине города, в цеху одного из заводов засели немцы. Шаг за шагом бойцы подразделения, которым командует лейтенант А. Жебровский, выбивают врага из здания (снимок вверху, слева). Среди развалин бойцы обнаружили единственное живое существо — маленького котенка.

Большую помощь бойцам оказывают рабочие Сталинграда. На снимке слева: рабочие заводского отряда получают задания. Справа: группа рабочих, которые в самые тяжёлые дни не покидали своих постов (слева направо): тт. Санкин, Котельников, Ганин, Блохин, Шефатов. На снимке внизу, справа: главный механик завода Ю. Савенков. Бесперебойно работала электростанция СталГРЭС, снабжая электроэнергией заводы и фронт. Несмотря на ожесточённые бомбёжки и обстрелы рабочие не уходили со станции, а прятались в бронированные башенки, стоящие здесь же, в машинном зале (снимок слева).

Фото А. Кричевского

ДЖОН СТЕЙНБЕК

Луна зашла

Джон Стейнбек—знаменитый американский писатель—хорошо известен в нашей стране как автор романа «Гроздья гнева» и ряда новелл. Произведения Стейнбека, носящие на себе печать мастерства и продолжающие лучшие традиции американской реалистической прозы, проникнуты высоким гуманистическим духом. Герои произведений Стейнбека стойко переносят страдания, полны жизненной энергии и готовности отомстить за свои муки. Этой чистой, светлой любовью к народу проникнута и новая книга Стейнбека, вышедшая в Соединённых Штатах Америки весной этого года под названием «Луна зашла». Автор-гуманист избрал темой своей повести то, что теперь кровно интересует всё прогрессивное человечество, то, чем живёт и дышит всякий человек, мечтающий о лучшем будущем, а именно—борьбу с фашизмом.

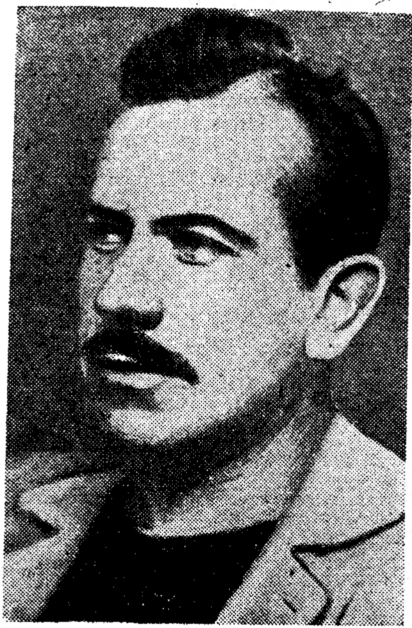
Новое произведение Стейнбека имеет одну особенность, которая отличает его от других произведений этого автора. В прежних книгах Стейнбека наряду с реалистическим изображением действительности отражались его личные переживания, так как он в действительности проделал часть пути, пройденного его героями; так например он описывает в «Гроздьях гнева» страдающих фермеров, вместе с которыми он странствовал; с ними он делил их горе.

В новой повести Стейнбек описывает судьбу людей, попавших под иго фашизма, то есть не американскую действительность, а обстановку, с реальными элементами которой он лично не имел возможности соприкоснуться. Тем не менее полнота изображения, острота ситуаций, напряжение борьбы нисколько от этого не пострадали.

Название повести взято из трагедии Шекспира «Макбет». В этой трагедии, где одно преступление нагромождено на другое, дана картина, «написанная кровью и серным огнём на фоне мрака».

— Луна зашла, — отвечает Флинс своему отцу Банко в сцене, которая непосредственно предшествует гнусному убийству Макбетом беспомощного Дункана.

Самое заглавие, по мысли автора, символизирует кровавую тиранию Гитлера. Но только символизирует, ибо для описания его злодеяний даже шекспировские краски кажутся подчас бледными.

Писатель Джон Стейнбек.

Автор не называет страны, где происходит действие, но читатель легко догадается, что имеется в виду Норвегия. Впрочем, географический элемент не имеет особого значения, так как подобные события могли бы развернуться и в другой стране, стонущей под игом Гитлера.

При чтении нового произведения Стейнбека может показаться, что автор недостаточно выпукло раскрывает звериный облик гитлеровской военщины. Но это только кажется. Стейнбек, повидимому, не ставил себе задачи доказывать, что гитлеровцы—звери, по той причине, что это не требует доказательств. Вежливые, лощёные фразы звучат в устах гитлеровцев как издевательство и унижение. Основная задача Стейнбека была доказать, что нет почвы для примирения с фашистским гнётом, с «новым порядком» Гитлера. Рабочий Мордэн, убивший немецкого офицера, жена Мордэна, убивающая другого насильника, жители этого городка, его мэр Ордэн, вступившие потом на путь решительной борьбы с оккупантами, вначале были пассивны. Практика гитлеризма обогатила этих людей опытом, заставила их усвоить простую истину: от фашистов никто не может и не должен ждать пощады. И маленькие люди этого городка приходят к выводу: нельзя останавливаться ни перед какими жертвами в интересах борьбы за уничтожение гитлеризма. В этом центральная идея Стейнбека, в этом значение его книги. Она вдребезги разбивает иллюзии, которые годами сеяли всякого рода мюнхенцы и другие агенты фашизма о возможности жизни в царстве смерти Гитлера. Книга отвечает переживаниям норвежца, созвучна датчанину, близка сердцу француза и всем людям, которые раньше не вполне ясно отдавали себе отчёт в том, что гитлеризм — это гибель, варварство, насилия, и которые теперь стали на путь борьбы за свою свободу.

Книга имела огромный успех в США и в первые же недели разошлась в количестве 500 тысяч экземпляров: она остаётся «боевиком» американского книжного рынка 1942 года. Она переделана в пьесу, которая с успехом идёт в театрах Америки.

«Луна зашла» печатается в переводе с сокращённого английского варианта.

I

В 10.45 всё было окончено. Город был занят, его защитники уничтожены. Захватчики готовились к этой операции так же тщательно, как и ко всякой другой. В это воскресное утро местный воинский отряд в количестве двенадцати человек был за городом: здешний коммерсант Корелл пожертвовал приз для стрелкового соревнования, происходившего за шесть миль от города.

Отряд, состоявший из высоких, крепких ребят, услыхал звук моторов самолётов, а затем, увидев парашюты, беглым шагом направился в город. Когда он приблизился к городу, захватчики уже заградили дорогу пулемётами. Высокие, крепкие ребята, имевшие очень незначительный военный опыт, открыли огонь из своих винтовок. Сразу же на одно лишь мгновение затрещали пулемёты — и шестеро ребят оказались насмерть изрешеченными пулями, трое тяжело ранеными, а трое со своими винтовками спаслись в горах.

В 10.30 в городском сквере раздавались сентиментальные звуки военного оркестра захватчика. Горожане, полуоткрыв рты, рассматривали людей, одетых в серое, с касками на головах и с автоматами в руках.

В 10.38 шестеро изрешеченных пулями были похоронены, парашюты собраны, а батальон захватчиков расквартирован в складском помещении Корелла на пристани. У него хватило складных кроватей и одеял на весь батальон.

В 10.45 мэр города — старый Ордэн — получил официальное письмо с просьбой принять представителя захватчиков — полковника Лансера. Приём был назначен в особняке мэра точно на 11.00.

У камина гостиной, очень приятной и комфортабельной, сидел местный врач — старый доктор Винтер, добродушный и простой, занимавшийся кроме того историей своего города.

— В одиннадцать часов? — спросил доктор слугу Иосифа.— Следовательно, они скоро пожалуют сюда. Они точны.

Сквозь стекло входной двери было видно, как кто-то в каске всматривался в помещение. Раздался стук в дверь. Доктор Винтер посмотрел на часы:

— Они что-то рано пожаловали. Впустите их, Иосиф.

Иосиф направился к двери и растворил её. В комнату вошёл солдат в длинной шинели, с автоматом в руках. Он быстро осмотрелся и отошёл в сторону. За ним показалась фигура офицера. Офицер посмотрел на доктора Винтера и спросил:

— Вы, милостивый государь, мэр города?

Доктор Винтер улыбнулся:

— Нет, нет.

— Вы, что же, служащий?

— Нет. Я городской врач и друг мэра.

— Где мэр?

— Одевается к встрече с вами. Вы полковник?

— Нет, я капитан Бентик,— капитан поклонился, и доктор Винтер ответил ему лёгким кивком головы. — Наш военный устав требует, чтобы, прежде чем кто-либо из начальствующих лиц войдёт в помещение, там был произведён обыск. Не посчитайте это за неуважение,— и он крикнул через плечо: — Унтер-офицер!

Унтер-офицер быстро подошёл к Иосифу, провёл рукой по карманам слуги и сказал:

— Нет ничего.

— Вы извините нас,— обратился капитан Бентик к доктору Винтеру.

Унтер-офицер подошёл к врачу и ощупал его карманы. Руки солдата остановились на внутреннем кармане пиджака. Затем быстро проникли туда и вытащили небольшой, плоский футляр из чёрной кожи, который был передан капитану. Капитан раскрыл футляр; в нём оказался набор хирургических инструментов. Капитан закрыл его и вернул доктору.

— Изволите ли видеть, я сельский врач. Однажды мне пришлось делать операцию — удалять слепую кишку — кухонным ножом. С тех пор я ношу этот набор постоянно с собой,— объяснил доктор.

— Мне известно, что здесь имеется оружие,— произнёс капитан Бентик, раскрыв небольшую записную книжку, которую он вынул из своего кармана.

— У вас всё основательно,— заметил доктор Винтер.

— Да. Тут один местный житель поработал для нас.

— А что, если бы вы сказали, кто этот человек? А? — спросил доктор.

— Его роль кончилась. Я думаю, вреда ему не будет от того, что я назову его. Это Корелл.

— Георг Корелл?! — изумился врач.— Это невозможно! Он так много сделал для нашего города. Он даже пожертвовал приз для соревнования по стрельбе, бывшего сегодня за городом.

И только теперь он начал понимать, что произошло. Он медленно произнёс:

— Понимаю. Так вот почему он устроил соревнование. Да... Теперь я понимаю. Но Георг Корелл?!. Это просто невероятно!

Дверь отворилась, и в комнату вошёл мэр. На нём был его парадный костюм, с цепью — символом его власти — на шее. Его седые волосы, только что зачёсанные назад, стремились подняться. Вслед за ним выплыла жена мэра, маленькая, морщинистая и взволнованная старушка. Она увидала Бентика.

— А-а! Полковник,— сказала она.

— Нет, мадам,— отвечал капитан Бентик.— Я лишь подготовляю всё для встречи полковника... Унтер-офицер!

Унтер-офицер, который в этот момент заглядывал под подушки на диване, быстро направился к мэру и ощупал его карманы.

— Извините его,— сказал капитан Бентик.— Таков устав.

Он снова бросил взгляд в свою записную книжечку:

— Нам известно, что здесь имеется оружие. Две единицы. Не правда ли?

— Оружие? — переспросил мэр.— Вы подразумеваете ружья.

Да? У меня имеется дробовик и мелкокалиберное спортивное ружьё,— предупредительно объяснил он.— Теперь я уж мало охочусь. Всякий раз я думаю: «Вот начнётся сезон — и я пойду на охоту»,— но приходит сезон, и мне никак не удаётся выбраться.

— Где они, эти винтовки? — настаивал капитан.

Мэр потёр щёку, пытаясь вспомнить:

— Мне кажется...— он посмотрел на свою жену,— не стоят ли они там, вместе с зонтиками? Позади в шкафу, в спальне?

— Да, там. И всё, что там находится, пропахло ружейным маслом. Я давно хотела, чтобы ты убрал их куда-нибудь в другое место.

— Унтер-офицер! — приказал Бентик.

И унтер-офицер быстро прошёл в спальню. Он вскоре вышел оттуда; в руках у него были двухствольный дробовик и недурное спортивное ружьё.

— Итак, всё. Благодарю вас,— обратился он к мэру.— Благодарю вас, мадам.

Он повернулся в направлении доктора и слегка поклонился:

— Благодарю вас, доктор. Полковник Лансер не замедлит с приходом.

И капитан направился к выходной двери; за ним следовал унтер-офицер с обоими ружьями в одной руке и автоматом — в другой.

Чтобы обнаружить, нет ли пыли, мадам провела пальцем по столу.

— Хотела бы знать, сколько их придёт,— сказала она.

Мэр обратился к доктору:

— Не знаете ли вы, сколько у захватчиков людей?

— Немного,— отвечал доктор,— я думаю, не больше двухсот пятидесяти; но зато у всех у них имеется по автомату.

— А что происходит во всей стране?

Доктор повел плечами.

— Неужели не было оказано сопротивления? — безнадёжно спросил мэр.

Доктор снова пожал плечами:

— Не знаю. Связь прервана или в их руках. У нас нет никаких сведений.

Мэр расстегнул пуговицы своего пиджака, вынул часы, посмотрел на них, положил их обратно в карман; застегнул пуговицы, причём одна пуговица вошла не в свою петлю. Мадам подошла к нему и застегнула её, как требовалось.

— Который час? — спросил доктор Винтер.

— Без пяти одиннадцать.

— Они точны,— заметил доктор.— Они появятся здесь в назначенное время. Но не лучше ли мне уйти?

Мэр испугался:

— Уйти?.. Нет, нет! Оставайтесь,— он рассмеялся.— Странно, но я боюсь чего-то,— сказал он, как бы извиняясь.— Не совсем боюсь, но нервничаю,— и он добавил с какой-то безнадёжностью:— Нас никогда не покоряли...

Вскоре раздался лёгкий стук в дверь. Появилась серая фигура в каске.

Иосиф широко распахнул дверь. В комнату вошёл вестовой в каске, быстро осмотрелся и затем объявил:

— Полковник Лансер.

В комнату вошла вторая фигура в сером и в каске. О звании вошедшего можно было догадаться лишь по знакам на плечах. За ним в комнату вошёл низенький человек в чёрном рабочем костюме. Полковник был средних лет, седой, с тяжёлым и усталым взором. У него были квадратные солдатские плечи, но в глазах отсутствовала обычная для солдат пустота. Маленький, розовощёкий человек, стоявший позади полковника, был лысый, с крошечными чёрными глазами и чувственным ртом.

Полковник Лансер снял каску, быстро поклонился мэру, его жене и тут же приказал вестовому закрыть дверь.

Полковник недоуменно посмотрел на доктора, мэр сказал:

— Это доктор Винтер.

Полковник кивнул головой и повернулся к своему спутнику:

— Надеюсь, вы знакомы с Converted Кореллом?

— С Георгом Кореллом? Конечно, знакомы. Как дела, Георг? — спросил мэр.

Доктор Винтер резко оборвал его. Он произнёс весьма официальным голосом:

— Наш друг Георг Корелл занимался подготовкой захвата города. Наш благодетель Георг Корелл направил наших солдат в горы, на соревнование. Наш частый гость Георг Корелл составил список всех наших горожан, кто имеет оружие. И всё наш друг Георг Корелл.

Ордэн был потрясён. Он беспомощно переводил взор с Винтера на Корелла.

— Это неправда,— сказал он.— Георг, это неправда. Вы сидели со мной за одним столом. Вы помогали мне советами, как строить больницу... Это неправда.

Он внимательно смотрел на Корелла, а Корелл в свою очередь вызывающе смотрел на мэра. Наступило тягостное молчание. Затем лицо мэра стало строгим и очень официальным. Он обернулся к полковнику Лансеру и сказал:

— Я не желаю разговаривать в присутствии этого господина.

— Я имею право находиться здесь,— сказал Корелл.— Я, как и все, солдат. Я только не ношу формы.

Мэр повторил:

— Я не желаю разговаривать в присутствии этого господина.

— Не покинете ли вы нас, Корелл? — обратился к нему полковник.

— Я имею право находиться здесь,— повторил Корелл.

— А теперь оставьте нас, Корелл. Вы не считаетесь с моим званием,— сказал полковник.

Корелл зло посмотрел на мэра и быстро вышел. Доктор Винтер усмехнулся.

— Разрешите сесть? — сказал полковник и пояснил: — Я устал: нам долгое время не удаётся поспать.

— Конечно, конечно, садитесь,— пригласил мэр.

Полковник посмотрел на мадам и, когда она села, устало опустился в кресло. Мэр продолжал стоять точно в полусне.

Полковник начал:

— Вы понимаете, что это — скорее деловое предприятие, а не что-либо иное. Нам нужны угольные копи и рыба. Мы постараемся не вызвать излишних трений с населением.

— У меня нет никаких сведений,— сказал мэр.— А что делается в остальной части страны?

— Уже вся захвачена,— сказал полковник.— Всё это произошло по заранее выработанному плану.

— И нигде не было оказано сопротивления?

Полковник посмотрел на него с каким-то сочувствием:

— Хотел бы, чтобы его не было. Мы всё учли.

Мэр повторил свой вопрос:

— И нигде не было сопротивления?

— Нет, было. Но это было напрасно и глупо. Тех, кто сопротивлялся, уж нет. В целом же народ соблюдает спокойствие.

— Народ не знает, что, собственно, произошло,— сказал доктор.

— Но скоро узнает,— сказал полковник.— И глупостей больше не будет делать,— он прокашлялся, и его голос оживился.— А теперь перейдём к делу. Уголь должен быть добыт и отгружен. У нас имеются специалисты; местному населению нужно лишь продолжать свою работу в копях. Ясно? Мы не хотим быть грубыми.

— Да, это достаточно ясно. Но представьте себе, что народ не захочет работать на вас.

— А я думаю, что захочет, потому что нам нужен уголь.

— А всё-таки, если не захочет?

— Он должен. Ваш народ дисциплинирован. Он не захочет беспорядка,— полковник остановился, ожидая ответа мэра, но такового не последовало.— Разве не так?

Мэр занялся своей цепью.

— Я не знаю. Наш народ подчиняется своим властям. Я не представляю, как он будет держать себя в подчинении у вас.

— Мы намерены сохранить ваше управление,— быстро произнёс полковник.— Вы попрежнему будете мэром, попрежнему вы будете отдавать приказы, будете наказывать и миловать. И таким путём не произойдёт никакого беспокойства.

— А как вы думаете? — мэр посмотрел на доктора Винтера.

— Не знаю,— ответил врач.— Интересно будет посмотреть. Я лично ожидаю волнений.

Мэр обратился к полковнику:

— Это мой народ, и всё же я не знаю, как он поведёт себя. Возможно, вы знаете. Некоторые народы не возражают против навязываемых ему вождей и даже подчиняются им. Но меня избрали мои сограждане. Они назначали меня, и они могут снять меня. Весьма вероятно, что они проделают это, ежели узнают, что я перешёл к вам.

— Вы окажете им услугу, если вы потребуете от них соблюдать порядок,— сказал полковник.

— Услугу?

— Да, услугу. Ваш долг — защищать их от бедствий. Нам нужен уголь. Понимаете? Наши вожди не говорят нам, как мы должны добиться его; они нам приказали добыть его. Вы же должны заставить ваших людей работать и именно этим создать им безопасность.

— Но вообразите себе, что они не хотят быть в безопасности,— сказал мэр.

— В таком случае за них об этом должны думать вы.

— Наши не любят, чтобы за них думал кто-то другой. Возможно, они отличаются от вашего народа... Я нахожусь в большом смущении, но в этом я твёрдо уверен.

Наступило молчание. Глаза полковника закрылись от усталости.

— А теперь ещё одно дело,— сказал он, обращаясь к мэру: — Нельзя ли мне и моему штабу расположиться здесь, у вас?

Мэр задумался на мгновение и затем сказал:

— Здесь мало места. У нас в городе имеются более обширные и комфортабельные дома.

— Это — не то,— проговорил полковник,— мы установили, что гораздо спокойней, когда штаб находится под одной крышей с местными властями.

— Вы думаете, что в таком случае народ поверит в сотрудничество с вами?

— Да, я так полагаю.

Мэр посмотрел на доктора Винтера, но тот, кроме грустной улыбки, ничего не мог предложить ему. Тогда мэр мягко проговорил:

— Не будет ли дозволено мне отклонить такую честь?

— К сожалению, нет,— отвечал полковник.— Таков приказ.

— Нашим это не понравится.

— Опять «нашим»! Ваш народ обезоружен. Вашему народу нечего сказать.

— Вы этого не знаете,— проговорил мэр, качая головой.

— Я сказал вам, что я очень устал. Я должен соснуть... Итак, прошу вас сотрудничать с нами ради общего благополучия.

Ордэн не отвечал, и полковник повторил:

— Ради общего благополучия... Согласны?

Перевод с английского А. Беляева

(Продолжение следует.)

СТРАТЕГИЯ НЕМЕЦКОГО ЕФРЕЙТОРА

Д. ЗАСЛАВСКИЙ

В ноябре в Германии происходит падение с неба генеральских звёзд. Так было в 1941 году, когда покатились целые созвездья с такой планетой первой величины, как фон Браухич. В 1942 году с молниеносной быстротой скатилась комета генерала Гальдера.

В отличие от падения обычных звёзд немецкие генеральские светила падают с большим и подозрительно нарочитым шумом. Генерал Гальдер, начальник штаба верховного главнокомандующего, буквально загрохотал.

Смена генералов во время войны — явление довольно обычное. Но об этом предпочитают не шуметь. Такие случаи бывали в Германии и в прошлую мировую войну. Но тогда провинившиеся генералы как бы уходили на цыпочках, стараясь обратить на себя поменьше внимания. Кайзер Вильгельм «рассчитывал» своих генералов, как прислугу, соблюдая при этом корректность. Гитлер выгоняет своих генералов «с треском».

Некоторые фашистские генералы даже не выдержали треска. Фон Рейхенау скоропостижно скончался при загадочных условиях. Такая же судьба постигла генерала Тодта. Что касается генерала Гальдера, падения 1942 года, то он пока здоров.

Падению гитлеровских генералов предшествуют поражения на фронте. Генералы не падали в первые годы войны. Напротив, они держались очень прочно. Среди них было много старых, опытных генералов, выдвинувшихся ещё во время первой мировой войны. Это были именно те генералы, которые строили современную немецкую армию. Некоторые из них были генералами уже тогда, когда Гитлер был ефрейтором.

Эти старые, заслуженные генералы стали сыпаться, как груши, после нападения гитлеровской армии на Советский Союз. Разгром немцев под Москвой зимой 1941 года был словно бурей, пронесшейся над немецким генеральским садом. Генералы сваливались целыми кучами. Среди них далеко не все были гнилушками: много было немецких генералов в самом цвету и соку. Гитлер расшвырял их во все стороны.

Провал немцев под Сталинградом снова пронёсся бурей над генеральным штабом Германии. Однако возможности Гитлера по расправе с генералами значительно сократились. В 1941 году он мог прогнать «с треском» верховного главнокомандующего, и это было действительно внушительное зрелище. Гитлер хотел предстать перед миром ввиде разгневанного Юпитера. Прогнав главнокомандующего, он выразительно сказал Германии: причина провала не в тех или иных частных неудачах. Провалился стратегический план. Если иностранная печать единодушно назвала фон Браухича козлом отпущения, то козёл этот был большой, старый, рогатый и бородатый. На такого козла можно было взвалить какую угодно большую вину.

В 1942 году Гитлер не смог прогнать верховного главнокомандующего. Он должен был бы прогнать самого себя. Поэтому он прогнал начальника своего штаба. А это уж совсем не так внушительно. Это не старый козёл из рейхсверовского генералитета, а молодой фашистский козлик. На него невозможно свалить большой стратегический грех, большую военную глупость. Если Гитлер мог на некоторое время запрятаться за широкую генеральскую спину фон Браухича, то за тощий зад генерала Гальдера никак запрятаться нельзя: виден, всей Германии виден, всему миру виден!

Когда в 1941 году Гитлер прогнал виднейших немецких генералов, гитлеровская печать сначала глухо сообщила о том, что между Гитлером и генералами произошли какие-то «военные разногласия», о которых-де теперь не время писать.

Разногласия были достаточно серьёзны. Повидимому, отставка старых генералов не всех убедила в том, что Гитлер прав и что он подходящий для Германии полководец. Вскоре после этого, в апреле 1942 года, Гитлер разразился бурной и гневной речью, в которой угрожал расправой каким-то неведомым непокорным лицам среди генералов и фашистских сановников. Кого он имел в виду, неизвестно было. Но прошло ещё немного времени — стало известно и это. Вслед за генералами полетел Дарре, министр сельского хозяйства и один из ближайших к Гитлеру бандитов.

А затем проболтался в газете «Фелькишер беобахтер» полковник генерального штаба Шерф,— впрочем, может быть, он и не проболтался, а нарочито болтал о том, что ещё вчера было военной и политической тайной; эта статья Шерфа звучит современно и сейчас, когда снова всплыли некоторые «военные разногласия» — и скатилась с немецкого генеральского неба очередная звезда.

Шерф писал: «Путь Гитлера от политика к государственному деятелю ясен, иным был путь от ефрейтора мировой войны к полководцу немецкого народа. Это было непостижимым и опрокидывало все понятия».

Это значит, что для некоторых немецких генералов «фюрер» продолжал оставаться ефрейтором и во время второй мировой войны. Эти генералы весьма низко расценивали стратегические способности Гитлера. Они, повидимому, были того мнения, что ефрейтору нечего соваться в генеральское дело. Конечно, сам ефрейтор был иного мнения о своём «даровании».

Лёгкие победы в Западной Европе не изменили положения. Шерф писал: «Даже после речи Геринга 20 мая 1940 года, в которой Геринг отметил военный гений Гитлера, ещё осталось много скептиков».

Среди скептических генералов были такие, которые прежде решительно высказывались против похода на Восток. Однако ефрейтор скомандовал: «Налево кругом—на Советский Союз марш!» — и генералы повиновались.

Что произошло дальше? Шерф говорит: «В начале декабря 1941 года зима застала нашу армию врасплох, она очутилась в критическом положении». Что говорили теперь скептики, что говорил ефрейтор?

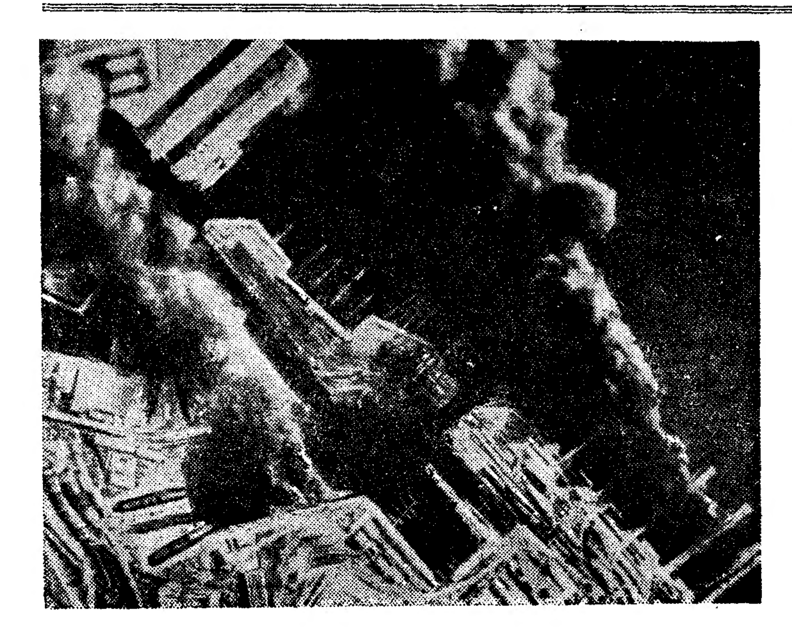
Генералы-скептики говорили: «...не лучше ли было бы сразу отступить широким фронтом и укоротить наши связи с тылом?» А что говорил ефрейтор? «Тогда Гитлер ещё туже натянул поводья. Он осуществил свою волю с неумолимой жестокостью».

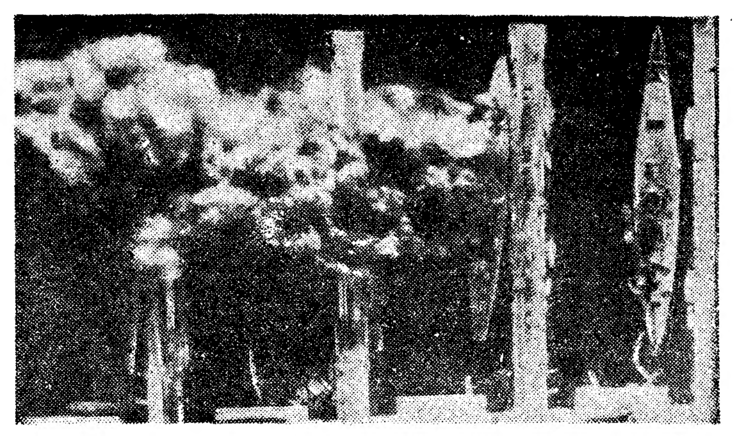
Ефрейтор прогнал скептиков и назначил самого себя главнокомандующим. Прошло ещё полгода, и ефрейтор снова потерпел поражение и поставил германскую армию в критическое положение. Немцев бьют под Сталинградом, бьют на Северном Кавказе, бьют на Центральном фронте, бьют в Ливии, бьют в Тунисе. Ефрейтор сорвал бешенство на своём начальнике главного штаба генерале Гальдере, но от этого положение не станет лучше.

Скептики в Германии были правы. Их было много, их стало теперь ещё больше. Число козлов отпущения непрестанно растёт в гитлеровской Германии. Это — уже целое козлиное стадо. И если в 1941 году это были преимущественно старые генеральские козлы, то теперь пошёл и фашистский козлиный молодняк.

Неудачи гитлеровского командования налицо. Прогоняя отдельных генералов, Гитлер пытается приписать провал его планов то тому, то другому генералу. Генералы, несомненно, наделали немало ошибок. Но основная причина поражения Гитлера — в нереальности, в сумасбродстве его плана. Не в том беда Германии, что ефрейтор стал полководцем, а в том, что полководец остался ефрейтором, тупым, невежественным, упрямым и вздорным.

Очередной гитлеровский козёл отпущения бредёт, нагружённый грехами и глупостью Гитлера. Там, где стратегия принадлежит ослу, за провал стратегии отвечает козёл.

ТУЛОНСКАЯ ТРАГЕДИЯ. Эти два фотоснимка сделаны с самолёта в утро 27 ноября 1942 года, в тот момент, когда моряки французской эскадры взрывали и топили свои корабли, отказавшись выполнить приказ предателя Лаваля о сдаче кораблей немцам. На снимке слева показаны линкор «Страсбург» и крейсеры класса «Сюффрен», охваченные пламенем. На снимке справа: горящие лёгкие крейсеры и эсминцы.

Войска Югозападного, Сталинградского, Донского и Воронежского фронтов покрыли славой советское оружие. Они нанесли жестокое поражение врагу.

На снимках запечатлены отдельные моменты победоносного наступления наших войск в районе Среднего Дона. Вы видите, как колонны советских танков въезжают в одно из сотен освобождённых от немецких захватчиков сёл (снимок вверху). Всюду советские люди радостно приветствовали советских бойцов, принесших им избавление от фашистской кабалы. Особенно счастливы ребята, когда им представляется возможность оказать услугу нашим бойцам. Вот они указывают командиру Н-ской части дорогу, по которой бежали немецкие войска (снимок вверху, слева). Станция Кантемировка снова стала советской, и снова на здании вокзала красуется надпись на родном, русском языке (снимок слева). Немецкая вывеска снята. Нашими частями захвачено много трофеев — эшелоны вражеских танков, орудия, склады боеприпасов (снимки внизу). На снимке вверху, справа: части Красной Армии вступают в город Кантемировку; ниже — колонна пленных фашистских солдат и офицеров.

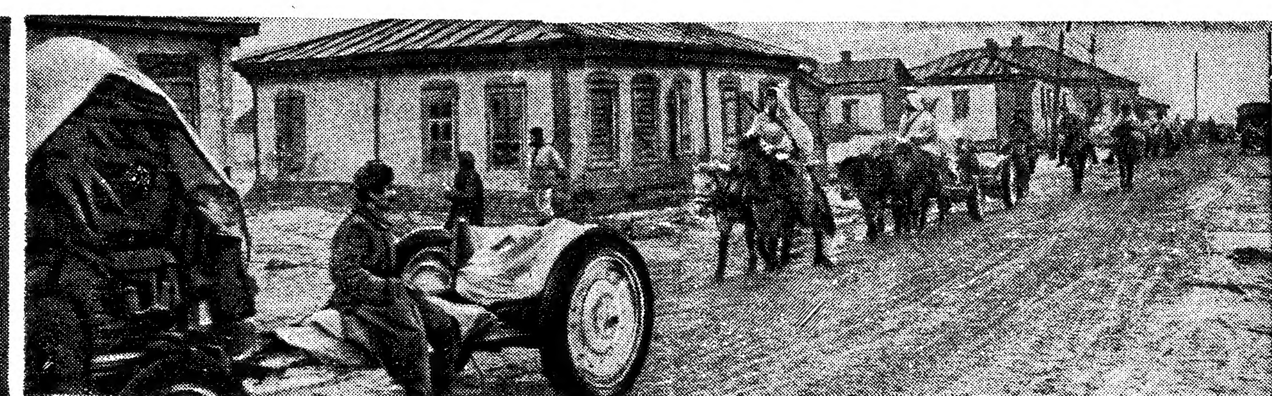
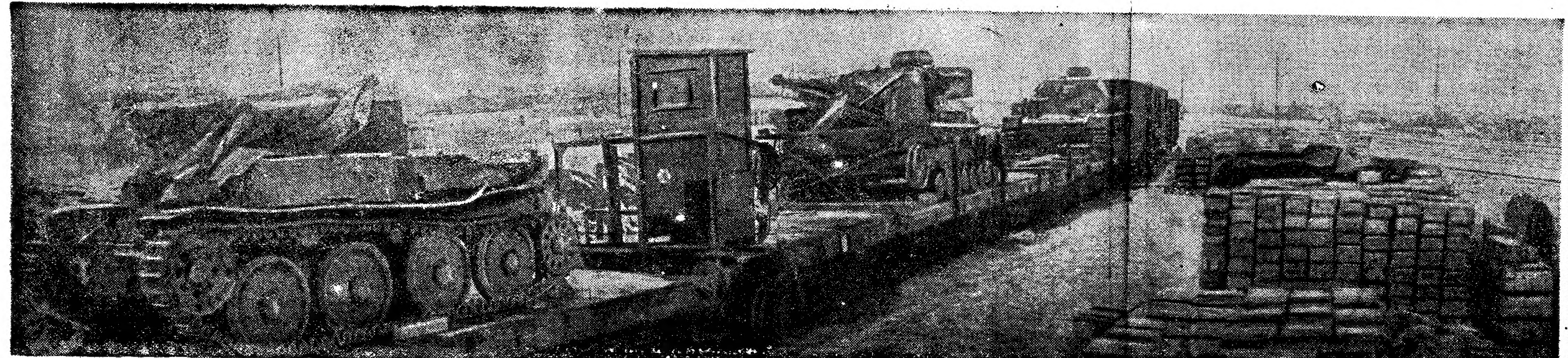
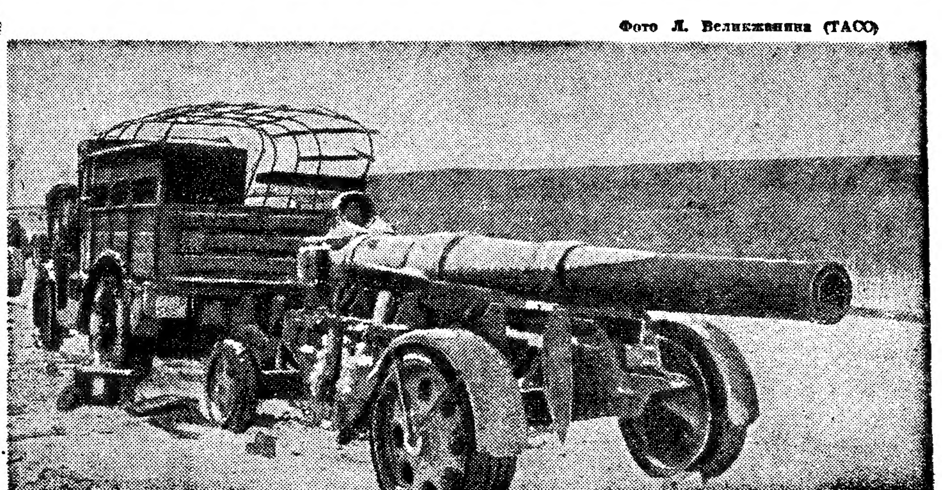

Фото Л. Великжанина (ТАСС)

НОВЫЕ ПОХОЖДЕНИЯ БРАВОГО СОЛДАТА ШВЕЙКА

(Часть вторая)

М. СЛОБОДСКОЙ

Рисунок О. Верейского

6. КОМЕНДАНТ ДЕРЕВНИ КРУШИНИНА

Комендант нырнул под стол так быстро, что Швейк не успел сомкнуть объятий и остался стоять с широко растопыренными руками, как баба, гоняющая цыплят. Когда же Швейк начал осматриваться, куда делся господин обер-лейтенант, он увидел, как из-под стола медленно вылезает виляющее дуло парабеллума.

— Уб-уб-уберите его,— донеслось снизу. — А то я его сейчас уб-уб-уб...

— Осмелюсь доложить, господин обер-лейтенант, «уб-уб» у вас уже не выйдет,— сказал Швейк, отскакивая в сторону. — И вообще я вам советую: следующий раз стреляйте без предупреждения, потому что, если вы начнете говорить, вас самого укокошат, обмоют и похоронят прежде, чем вы успеете закончить первое слово. Кстати, это напоминает мне случай с заикой Полаком из Жижкова, который обедал в гостях и когда хозяйка спросила, как ему нравится суп, ответил: «По-по-по-мо...» Хозяин не стал дожидаться, пока он договорит, и вытолкал его в три шеи. Только на улице из этого Полака выскочила, наконец, фраза, которую он хотел сказать: «По-моему, очень вкусно». Но было уже поздно.

В этот момент комендант вынырнул из-под стола и с ликующим шипением бросился навстречу бравому солдату.

— Ш-ш-швейк,— наконец выговорил он,— это вы?

— Так точно, господин обер-лейтенант,— отрапортовал бравый солдат. — Как я уже докладывал, я очень рад вас видеть. Между прочим, вы заметили, что все наши встречи оставляют незабываемое впечатление? Первый раз вы упали мне на голову в Праге, второй раз на нас обрушилась крыша под Можайском, а сейчас мы встречаемся в сумасшедшем доме. Когда мы встретимся на том свете, у нас будет о чём вспоминать. Не удивляйтесь, господин доктор,— пояснил Швейк, заметив вопросительный взгляд Киршбаума,— мы с господином фон Райнбахом старые знакомые.

— Молчите! — шикнул на него Киршбаум, и, подобострастно улыбаясь, обратился к фон Райнбаху: — Не обращайте на него внимания, господин комендант, он действительно ненормальный.

— Это ме-ме... — начал Райнбах.

— ...ня не касается,— уверенно закончил Швейк.

Райнбах кивнул и с козлиного наречия перешёл на блеяние:

— Я его бе-бе-бе...

— ...ру себе,— сказал Швейк и, после того как Райнбах вторично кивнул, торжествующе обратился к доктору: — Вот видите, я для господина обер-лейтенанта самый необходимый человек. После его первой контузии мы научились понимать друг друга с полуслова. Так что, осмелюсь доложить, поскольку я уже больше не псих, а денщик господина коменданта, прикажите отдать мне обмундирование.

Когда Швейк вновь приобрел воинский вид и вернулся в учительскую, комиссия уже закончила свою работу. Все пациенты были признаны симулянтами и подлежали отправке на фронт. Швейк пришёл к началу напутственной речи фон Райнбаха, который уже пять минут долдонил только «поз-поз-поз...» и не мог двинуться дальше.

— ...дравляю вас с отправкой на фронт,— бодро включился Швейк и посмотрел на обер-лейтенанта.

Райнбах радостно закивал и, взглядом пригласив бравого солдата быть переводчиком, начал штурмовать следующую фразу:

— Отныне вас ждут по-по-по...

— ...беды,— подсказал Швейк.

— Правильно, — подтвердил Райнбах, — я знаю, что все вы настоящие не-не...

— Негодяи,— сказал Швейк.

Райнбах недовольно замычал:

— Н-нет. Настоящие не-не-немцы, и поэтому способны на любые по-по-под...

— Ну, это понятно,— уверенно перевел Швейк,— на любые подлости.

Однако, к его величайшему удивлению, Райнбах отрицательно замотал головой:

— На любые по-по-под...

— Подлоги? — начал гадать Швейк.

— Нет.

— Поджоги?

— Нет.

— Осмелюсь доложить, господин обер-лейтенант, тогда я не знаю, на что способны настоящие немцы. Попробуйте уж сами.

— На любые под-подвиги,— прорвался обер-лейтенант и сразгону, почти не запинаясь, перешёл к патетической концовке.— Германия не забудет вас, и можете быть уверены, что каждый из вас получит по за-за...

— Опять заело,— сокрушенно отметил Швейк. — Господин обер-лейтенант хочет сказать, что каждый из вас получит по загривку...

Райнбах так отчаянно затряс головой, как будто хотел вытряхнуть застрявшее слово:

— За-за-за...

— Нет? Тогда... ах, осмелюсь доложить, понятно. Каждый получит по затылку.

На лице обер-лейтенанта отразилось неподдельное страдание:

— По за-за-за...

— Осмелюсь доложить, господин обер-лейтенант, если вы хотите сказать: по заднему месту,— имейте в виду, что в политической речи это неприлично.

— За-за-заткнитесь, идиот! — наконец, выдавил фон Райнбах.— Я хочу сказать: по за-за-заслугам. Хайль Гитлер! И пусть все убираются к чорту. Я устал.

И, покончив таким образом с торжественной процедурой, господин фон Райнбах поспешил покинуть заведение доктора Киршбаума. Вновь обретённый денщик и переводчик последовал за ним.

Тех из читателей, которые помнят господина обер-лейтенанта фон Райнбаха, уже появлявшегося в начале нашей повести, должно быть, интересует, каким образом этот веснушчатый красавец, которого ещё зимой мы оставили под развалинами дома западнее Можайска, оказался комендантом деревни Крушинина.

Вкратце история его такова. Тогда он отделался лишь переломом ключицы и вывихом левой ноги. Через два месяца обер-лейтенант настолько оправился, что пристал к фельдшерице, за что её муж, старший врач госпиталя, отдубасил Райнбаха его же костылями. С этого момента обер-лейтенант окончательно перешёл на нестроевые должности и начал свою административную карьеру. Здесь наряду с прежними [illegible] другая, доселе дремавшая страсть господина фон Райнбаха — стяжательство. Вскоре он прослыл одним из самых ярых воров и хапуг по всей германской армии. Правда, как при любовных, так и при деловых объяснениях господину фон Райнбаху сильно мешало его заикание, но теперь, когда нашёлся Швейк, который умел понимать обер-лейтенанта с полуслова, и эта туча исчезла с безоблачного горизонта господина фон Райнбаха.

Вот почему, едва комендант пришёл домой, он громко подмигнул своему денщику и решил отметить радостную встречу. Он обратился к Швейку на своём экономном языке:

— Я думаю, мы вы... по-рю...?

— Осмелюсь доложить, с удово... — в тон ему ответил Швейк и по указанию Райнбаха полез за бутылкой.

Через час обер-лейтенант уже дошёл до точки и стал называть Швейка Манечкой. Бравый солдат воспринял это как сигнал — выволок Райнбаха из-за стола и уложил в постель. Галантный обер-лейтенант категорически отказывался ложиться в присутствии дамы и затих лишь после того, как Швейк разрешил ему поцеловать ручку.

— Ну,— сказал про себя Швейк, возвращаясь к столу, на котором соблазнительно сияла недопитая бутылка,— теперь мне предстоит очень красивая жизнь!

(Продолжение следует.)

— Ну,— сказал про себя Швейк,— теперь мне предстоит очень красивая жизнь!

См. «Огонек» № 1.

Московские дни

ИСТОЧНИК СВЕТА

ТАТЬЯНА ТЭСС

Моя знакомая художница заболела. Я зашла её проведать. У художницы был грипп, она лежала в пижаме на тахте, прикрытая пледом; в квартире, как всегда, было нарядно и очень чисто. От лёгкого жара глаза художницы блестели, кудрявые волосы рассыпались по подушке, она была очень хорошенькой.

— Я вызвала районного врача из поликлиники,— сказала она.— Очевидно, он сейчас придёт.

Вскорости действительно раздался звонок и домработница ввела в комнату врача.

Это была маленькая, тоненькая женщина в суконной шляпке из тех, которые обычно долго выбирают в магазине, делая подарок старенькой маме. У женщины было очень спокойное лицо, отмеченное кроткой внимательностью. Чем-то она напоминала птицу, но какую-то скромную и выносливую, например синичку. Черты лица у неё были тонкие, и, вероятно, её лицу был свойственен прохладный румянец. Но сейчас оно было бледным и в достаточной мере утомлённым.

Вымыв руки, она начала осматривать больную. Мне разрешили остаться в комнате. Я следила за осмотром, и мне быстро стало ясно, что эта маленькая женщина представляет собою образец внимательного, образованного и серьёзного врача. Болезнь художницы не была сложной. Но при осмотре доктор попутно проглядела пациентку всю, как если бы перелистывала большую книгу. Обстоятельно и сосредоточенно она искала, нет ли в этом, новом для неё организме, какого-либо угла, подточенного болезнью, и не кончила осмотра, пока не проверила всё, что представляло для неё интерес, и пока не убедилась, что в организме нет ничего губительного или опасного, что развивалось бы в нём, оставаясь незаметным для пациентки или для другого врача.

Потом она принялась писать рецепт. Когда она присела возле бюро, снова стало заметно, что она устала и, очевидно, много работает. Художница поднялась с тахты и стояла сейчас возле неё, длинноногая, в красивой пижаме.

— Сколько вам лет? — спросила у неё доктор.

— Тридцать два,— ответила художница.

— Столько, сколько мне,— сказала доктор, продолжая писать.

Мы с художницей переглянулись. Обе мы ощутили как неожиданность то, что эта маленькая женщина, в скромном платье, с прямыми, гладко зачёсанными волосами, была однолеткой кудрявой, элегантной, похожей на мальчика художницы. На лице доктора не было никаких примет увядания, и можно было понять, что это, бесспорно, человек молодой. Но источник света в этом лице был не в нарядности красок, не в выхоленности, не в тех многочисленных признаках ухода за собою, которые были свойственны лицу художницы. Этот источник был в чём-то другом, сложном и далеко упрятанном, что замечалось не сразу.

Я воспользовалась тем, что доктор, выписав рецепт, ещё осталась на несколько минут в кресле, отдыхая, и стала её расспрашивать. Она рассказывала о себе очень охотно. Работала она районным врачом поликлиники, то есть врачом, которого вызывают при первом заболевании, к какой бы области это заболевание ни относилось. Таким образом, она всегда первая ставит диагноз. Она дает пациенту освобождение от работы и отвечает за это. По опыту журналиста я знала: для того чтобы внутренне развязать человека, надо заставить его говорить о работе, которую он любит. На лице у женщины постепенно появлялся тонкий румянец, глаза у неё начали блестеть, она воодушевилась. С увлечением она рассказывала о тех раковых опухолях, которые ей удалось вовремя обнаружить и спасти таким образом человеческую жизнь; она рассказывала о миокардитах и астмах, о новом лечении пневмонии, об успешной борьбе с брюшным тифом. Район, в котором она работала, казался ей целым миром, и, по сути, это и был большой мир — со своими трагедиями, событиями, психологическими конфликтами, и ей, по её обязанности и праву врача, доводилось входить в глубь дома, семьи, быта, и перед нею раскрывались многие преграды.

Она знала что у её пациента, профессора математики, погиб сын на фронте, что знаменитая пианистка недавно проводила на фронт мужа, что девушка, работающая на телефонной станции,— её пациентка, которую она только что вылечила от воспаления легких,— добровольно уехала в Действующую армию на работу радистки. Доктор практиковала в этом районе несколько лет и уже подружилась с некоторыми семьями и заходила к ним даже тогда, когда пациенты её не вызывали, если она знала, что болезнь требует систематического наблюдения. Раньше в поликлинике была машина, но теперь приходилось ездить трамваем или много ходить пешком под дождём или снегом по холодным, тёмным улицам, а потом долго искать чужую квартиру. Она говорила обо всём этом легко и просто и вдруг спросила художницу:

— У вас есть дети?

— Нет,— сказала художница.

— А у меня четверо ребят,— неожиданно сказала женщина.— Младшему только пошёл второй год. Я их называю «поильцы-кормильцы»,— сказала она и засмеялась. — Нет, вы не удивляйтесь,— с живостью добавила она, заметив, что мы с художницей переглянулись. — Конечно, всех их надо обуть, одеть и накормить, я работаю одна, со мною живёт ещё старушка-мать. Пять человек в моем гнезде, я — шестая. Муж убит на фронте,— сказала она глухо и на секунду замолчала. Но потом заговорила снова.— И всё-таки — «поильцы-кормильцы»,— сказала она с глубоким убеждением. — Честное слово, сколько от всех них жизненного тепла, пищи и для ума и для сердца! Войдёшь в дом, всё живо в нём, всё кипит и движется, и всё это твоё, тобою созданное, самое дорогое для тебя на свете. Бессмертие твоё, след твой на земле,— сказала она тихо и немного сконфузилась. — Конечно, мне нелегко быть, что называется, главой такой большой семьи. Но я справляюсь. Очень хорошо справляюсь.

Она огляделась вокруг.

— Очень хорошая у вас квартира,— сказала она. — В такой квартире ребятам жить и жить...

Художница стояла против неё, кудрявая, пахнущая хорошими духами, и вдруг вся съёжилась, подняла плечи, как бы желая стать незаметной.

Доктор молча поглядела на неё и стала прощаться. Она надела в передней свою старомодную шляпку и пальто, взяла в руки большую сумку и ушла.

Проводив её, художница вернулась в комнату.

Лицо у неё сморщилось, как от зубной боли, она качала головой и повторяла только одно:

— Боже мой, какой стыд, какой стыд!.. До чего стыдно мне перед этой женщиной!..

Я попробовала обратиться к ней, но она не слушала меня и всё повторяла, морщась и шагая по комнате:

— Какой стыд, господи, какой стыд!..

И она показалась мне много старше в эту минуту.

Наша Линочка

Так ласково называют раненые бойцы пионерку Лину Орлову. Лине одиннадцать лет. Когда в её родной город прибыли раненые, она пришла в госпиталь и предложила свою помощь. Лина отлично справилась со своими обязанностями — она ухаживала за бойцами, кормила их, подавала лекарства, писала под диктовку письма к родным. Бойцы очень полюбили девочку.

Вместе с другими фронтовиками, награждёнными за подвиги на фронте борьбы с фашистами, награждена и юная сандружинница. Лине вручена медаль «За боевые заслуги». На снимке справа Лина снята в момент вручения ей медали.

Кадры из «Союзкиножурнала» № 80. Кинооператор — В. Ешурин.

НА ЗЕМЛЕ, ОСВОБОЖДЕННОЙ ОТ ВРАГА

Фронтовые зарисовки художника А. Лаптева

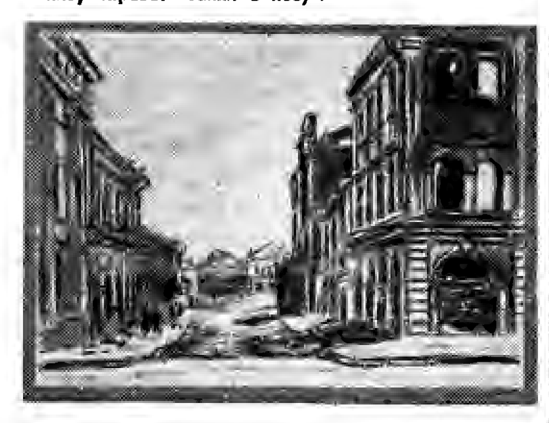

Молодой художник А. Лаптев долгое время пробыл на Калининском фронте. Одним из первых поехал он по пути отступпения немецких полчищ зимой 1941 года. Он побыал в освобождённых от фашистских захватчиков сёпах и городах, видеп и ощущал возрождение этих мест к жизни, их созидатепьный творческий труд. Всё виденное и пережитое художник отобразип в серии наброскоа, фронтовых зарисовок, на основе которых он создавал и большие попотна. Помещаем несколько рисунков художника А. Лаптева, сделанных им на Калининском фронте.

На рисунках:
вверху слева: «Народные мстители»;
внизу слева: «Улица в Калинине»;
вверху справа: из серии «На освобождённой земле»
первый рисунок — «Подготовка к весеннему севу»,
второй рисунок—«Возвращение угнанного скота»;
внизу справа: «Танки в лесу».

ОХОТНИКИ ЗА ТАНКАМИ

Военный корреспондент кочует из одной лётной части в другую. Он ищет замечательных ассов нашей страны, знакомится с ними и рассказывает нам об их делах и подвигах.

Он отправляется на самолёте в осаждённый Ленинград, чтобы на месте наблюдать, как наши лётчики оберегают любимый город с воздуха.

Часто приходится слышать о сложных задачах, которые выполняют всякий раз ночные истребители в борьбе с хищными налётчиками. Но почему так трудно вести ночной бой в воздухе? В чём его сложность? Военный корреспондент рассказывает в своей книге и о ночных схватках в эфире, когда отыскать противника не легче, чем найти иголку в стоге сена.

На бомбардировщиках дальнего действия наши лётчики не раз побывали над Берлином, Кёнигсбергом, Будапештом. Немцы, слишком уверенные в своей недосягаемости, хорошо почувствовали силу наших бомбовых ударов. Военный корреспондент, специализирующийся на очерках боевой жизни советских лётчиков, не обошёл и темы далёких рейдов, к самому сердцу вражеских стран.

В те грозные дни, когда немецкие полчища подступали к самой Москве, когда воздушные разведчики доставляли в генеральный штаб фотоснимки грандиозных танковых колонн, готовящихся к последнему броску, наши воздушные штурмовики сыграли огромную роль, их по заслугам называли тогда «охотниками за танками». Военный корреспондент показывает нам своих героев и в этой славной роли.

В сводках Информбюро мы ежедневно находим коротенькие, иной раз в одну — две строки, сообщения о действиях военно-воздушного флота. Книжка Николая Богданова «Записки военного корреспондента» («Советский писатель») раскрывает большое содержание, вложенное в скупые строки сводок.

В одном месте автор пишет: Леонтий Фомич Драмарецкий «уничтожил уже около сорока фашистских танков. В многочисленных поединках много раз был изранен его самолёт; пальцы его могучей руки носят следы осколков, словно зверь прошёлся по ним зубами. Но попрежнему зорок его глаз и верна рука. Не проходит вылета, чтобы Леонтий Фомич не свалил очередной фашистский танк».

В очерке ясно и просто показана не только сущность героических дел, каждодневно творимых штурмовиком Драмарецким, но даётся также и его портрет.

Общие сведения о жизни воздушного флота перемежаются в книге рассказами о человеческих судьбах, многообразными и увлекательными историями героев воздуха, бесстрашных мастеров воздушного боя.

Лётчики играют важнейшую роль в борьбе за нашу страну. Лётчики нещадно бьют врага и помогают уничтожать его технику и живую силу. Лётчики постоянной угрозой нависают над танками и пехотой противника, над всеми коммуникациями его, над жизненно важными промышленными центрами вражеских стран.

«Военно-воздушному флоту — слава!» — этими словами можно было бы кратко охарактеризовать тему новой книги Николая Богданова.

А. Исаев

Литературные новинки

АНТИФАШИСТСКИЙ РОМАН ЭПТОНА СИНКЛЕРА

Уже много лет знаменитый американский писатель Эптон Синклер работает над огромной эпопеей, в которой он решил дать историю европейских и американских событий за три десятилетия нашего века. Уже вышли в свет три тома этого огромного труда: «Конец мира», «Между двух миров» и, наконец, «Зубы дракона». Как сообщает писатель в письме в редакцию журнала «Интернациональная литература», где в № 11 печатаются главы из романа «Зубы дракона», он только что закончил четвертый том эпопеи, названный им «Широкие врата».

«В этом томе повествование доходит до того периода, когда войска республиканской Испании одерживают победу при Гвадалахаре... Появятся по меньшей мере,— сообщает Синклер,— ещё два тома, которые доведут повествование до периода, на котором я решил завершить книгу. Надеюсь, что к этому времени я сумею описать смерть Гитлера и Муссолини. Думаю, что ни тот, ни другой не умрут естественной смертью».

Если первые два тома можно назвать подготовленными для цели, которую себе наметил Синклер, то «Зубы дракона» вводят читателя уже в самый центр интересующих писателя событий. Тематически всю эпопею объединяет личность некоего Лэнни Бэдда, сына крупного американского фабриканта вооружений. Лэнни много путешествует по всему миру и благодаря своим связям становится свидетелем многих крупных исторических событий.

«Лэнни — самый подходящий шпенёк, на который удобно повесить платье истории»,— отозвался об этом романе Синклера Бернард Шоу. «Сильный, своевременно появившийся роман, который, по моему мнению, должны прочесть все американцы»,— пишет Теодор Драйзер.

Синклер изобразил в романе главарей немецкой фашистской шайки. По ходу действия герой романа несколько раз приезжает в Германию уже после захвата власти гитлеровской бандой. Лэнни встречается с Геббельсом и Герингом. Узнав об аресте фашистами одного своего родственника, немецкого еврея, очень богатого человека, Лэнни приезжает в Берлин. Сначала он пытается добиться освобождения своего родственника через Геббельса, но скоро выясняет, что это зависит от Геринга. Эпизоды встреч Лэнни с Герингом — лучшие страницы этого тома.

Спокойно и серьёзно ведёт Синклер своё повествование. И от эпического тона автора ещё страшнее становится смысл рассказываемого. Геринг открыто предлагает американцу сделку: «Ваш родственник уступает мне всё своё имущество, переводит на моё имя все свои деньги, как в Германии, так и заграницей, после чего может убираться ко всем чертям. Вы же даёте мне слово, что ни один человек в мире не услышит от вас обо всём этом ни одного звука».

Лэнни вынужден согласиться на это предложение бандита в генеральской форме. И, выходя из кабинета Геринга, Лэнни чувствует себя как человек, вырвавшийся из лап гангстеров, крадущих людей и освобождающих их за большой выкуп. Но Герингу одной украденной, пусть даже очень крупной, суммы денег было мало. Желая сохранить в своих руках власть над Лэнни, он, освобождая его родственника, одновременно арестовывает сына последнего.

Снова начинаются переговоры, осложнённые тем, что Геринг заявляет, что ему неизвестно, куда делся заключённый, интересующий Лэнни. Пока что он пытается использовать молодого американца как своего тайного агента в Европе. Желая приручить Лэнни, Геринг приглашает его в свой заповедник на охоту. Ярко и сильно изображает Синклер времяпровождение фашистских заправил, их безудержное пьянство и разврат. Угождать сладострастным фашистским павианам вынуждены дочери местных крестьян, подобно тому как это делалось в самые мрачные времена средневековья.

Не получив согласия Лэнни, Геринг использует случайный его арест во время расправы с группой Рэма, чтобы познакомить американца с «карательной системой национал-социализма». Лэнни брошен в тюрьму. Всю ночь он слышит крики и стоны, перемежающиеся выстрелами. С минуты на минуту он ждёт, что его постигнет та же участь. Но через несколько дней его переводят в другую тюрьму, а за ней и в третью. И здесь Лэнни становится очевидцем душераздирающего зрелища.

«Он находился в одном из тех страшных мест, о которых ему приходилось читать и слышать,— в одном из тех мест, где нацисты методически калечат тело и душу людей — мужчин и женщин... Когда дверь открылась, он услышал сперва только негромкие стоны... рядом же было, очевидно, много народу, много жертв. Крики и стоны напоминали дантовский ад...»

Лэнни неожиданно освободили и вскоре снова привезли к Герингу, который его принял из-за жары в одних трусиках. «Полуголый бандит», как его называет Синклер, открыто сказал американцу, что он может освободить сына его родственника, если он расскажет в Париже семье старика, избиение которого он видел в тюрьме, какой участи подвергается тот в Германии. Смысл этого Геринг объяснил совершенно бесстыдно. Бандит думал, что этим путём ему удастся заставить семью арестованного перевести все их деньги из Франции в Берлин.

Рассказывая все свои злоключения жене, Лэнни замечает, что «преимущество нацистов заключается в том, что никто не может себе представить, до чего они гнусны. Если бы мы завтра отправились в Париж или Лондон и рассказали там всю эту историю, нацисты назвали бы нас лгунами и девять человек из десяти поверили бы им».

Так характеризует Синклер настроение правящих кругов Парижа и Лондона в 1934 году.

К тому времени, когда «Зубы дракона» вышли в свет, многое из того, о чём пишет Синклер, кажется второстепенным по сравнению с ужасами, творимыми фашистами во временно оккупированных советских районах, в странах Европы. И всё же роман Синклера — талантливое произведение, мобилизующее массы против фашистской нечисти. Оно всем строем своих художественных образов внушает читателям необходимость довести до конца дело уничтожения гитлеровского государства и армии, сокрушения гитлеровского «нового порядка в Европе» и покарания его строителей.

Т. Рокотов

Писатель Эптон Синклер.

НОВОГОДНИЕ ПРИВЕТСТВИЯ СОВЕТСКОМУ СОЮЗУ

ТЕОДОР ДРАЙЗЕР. Шлю свои поздравления и глубочайшую благодарность за оказываемое вами сопротивление врагу и за достигнутые вашей подлинно демократической страной успехи. Советский Союз мужественно завоевал себе свободу и тем самым спас демократию для всего мира.

ЭРНЕСТ ХЭМИНГУЭЙ. Вы спасли мир от сил варварства в 1942 году, оказывая сопротивление одни, почти без помощи.

К концу года были предприняты наши первые усилия в Африке. Это является символом обещания. Каждый способный мужчина в Америке будет работать и сражаться вместе с рабочими и крестьянами Советского Союза за наше общее дело — полное уничтожение фашизма во всём мире и обеспечение свободы, мира и справедливости для всех людей.

ЛИОН ФЕЙХТВАНГЕР. В течение 18 месяцев Советский Союз без посторонней помощи выдерживал всю силу натиска варварских орд. От вас, которые столь героически остановили этот натиск, весь прогрессивный мир ждёт решающей победы. Самые горячие поздравления Советскому Союзу и его вождю в день Нового года.

ЭПТОН СИНКЛЕР. Пусть 1943 год, который начнётся как год страданий и кровопролития, закончится как самый счастливый год для Советского Союза и всех его союзников. Пусть эти союзные страны останутся объединёнными ради обеспечения прочного мира и справедливого мирового порядка.

ДЖОН ПРИСТЛИ. Гигантские успехи вашей великой Красной Армии вызвали восторг английского народа. Мы сознаём, что эти успехи значительно приблизили нас к построению подлинно цивилизованного мира.

• Театр • Музыка • Скульптура •

НА ПОРОГЕ 1943 ГОДА

Музыкальную жизнь страны новый год знаменует интересными событиями. Это и премьеры в оперных театрах, и новинки советского симфонизма, и обращение к музыкальной старине, возрождённой в сборниках классической русской музыки, и новые песни для фронта, о фронте, и, наконец, песни самих фронтовиков...

Сергей Прокофьев только что завершил работу над оперой «Война и мир» (по Толстому). Москва с законным нетерпением ждёт показа этой оперы, где композитор (он же либреттист) впервые отважился воплотить в музыке страницы величественной эпопеи 1812 года.

Одноактную оперу «Рашель» написал Р. М. Глиэр. Здесь продолжена и развита тема мопассановской новеллы «Мадемуазель Фифи». Тема ненависти французских патриотов к прусским оккупантам с гневом, страстью и протестом звучит особенно теперь, в дни, когда ощетинилась против фашистского зверя Сражающаяся Франция, когда величие французского народа с потрясающей силой раскрылось в героической трагедии Тулона.

Бесконечно разнообразны темы новых музыкально-драматических произведений. От сегодняшней были, запечатлённой в операх И. Дзержинского («Надежда Светлова») и В. Мурадели («Полковник Гюргадзе»), до музыкального портрета трибуна революции Серго Орджоникидзе («Чрезвычайный комиссар» В. Мурадели) или до эпизодов из далёкого прошлого нашей родины («Русские у ворот Рима» Н. Чемберджи) — таков сюжетный диапазон новых опер.

Музыкальные театры отдают дань классическому репертуару. Совсем скоро на сцене филиала Большого театра вновь оживут бессмертные образы «Пиковой дамы» и вновь раздадутся полные пламенной любви к отчизне речи Ивана Сусанина. Город Куйбышев только что с энтузиазмом приветствовал премьеру Большого театра «Вильгельм Телль» — спектакль, в котором гением Шиллера и Россини дано обобщённое выражение борьбы свободолюбивых народов за попранную родину, борьбы против немецких насильников...

Близится знаменательная дата — 25-летие доблестной Красной Армии. Много творческого вдохновения отдали воинам наши композиторы. В честь Красной Армии сложены песни, марши, поэмы. Широкий смотр новых произведений, посвящённых отважным защитникам нашей родины, проведёт в ближайшее время Центральный дом Красной Армии. На этой декаде прозвучат не только отдельные музыкальные пьесы: в целостных театрализованных программах, в литературно-музыкальных монтажах, объединённых единой темой, будут отражены композиторами, писателями, поэтами различные этапы героической борьбы нашей Красной Армии, нашего Красного Флота, наших славных партизан и партизанок...

Е. Канн.

Скульптор Аскар-Сарыджа в своей мастерской у барельефа «Вождь народов — полководец Красной Армии И. В. Сталин». Барельеф экспонируется на выставке «Великая отечественная война».

Фото В. Котляр.

РАБОТА СКУЛЬПТОРА АСКАР-САРЫДЖИ

Раннее утро. В залах Третьяковской галереи ещё не много народа. Склонившись над изгородью из живых цветов, стоит человек в кожаной пилотке и острым глазом глядит на белый барельеф, ещё раз проверяя мельчайшие детали своей работы.

На барельефе в простой солдатской шинели, в походном костюме бойца — Сталин.

Автор — скульптор Хас Булат Аскар-Сарыджа, родом из далекого аула Ахты, первый и пока единственный скульптор лезгинского народа. Он вырос в горах Дагестана.

Страстный не только скульптор, но и музыкант, ученик Ипполитова-Иванова по классу композиции, Хас Булат (по-русски это имя значит «чистая сталь») собрал много мотивов, поющихся в горах Дагестана. Он знает песни своей родины, древние сказания и былины лезгин, как знает чудесный орнамент, украшающий предметы домашнего обихода горцев.

Где бы ни бывал и ни работал Аскар-Сарыджа, всегда и отовсюду возвращается он домой, на родину, в горы. Там источник его вдохновения, там бьёт тот родник, который питал его творчество, когда он создавал свой прекрасный барельеф Сталина.

В огне и пламени сейчас Кавказ. Свободолюбивые его народы защищают каждый камень своей страны.

«Сражающийся Кавказ» — вот задуманная сейчас художником серия скульптур, образов легендарных героев наших дней, богатырей Кавказа.

Е. Елагин.

ПЕРВАЯ РОЛЬ К. НАЗАРОВА

«Какой он был весь солнечный...» — говорит один из героев пьесы Корнейчука «Фронт», Мирон Горлов, о своём племяннике Сергее, погибшем в бою с фашистами. Эти слова могут служить основной характеристикой образа Сергея, с его особенной душевной ясностью, его влюблённостью в жизнь и в людей, его юношеским обаянием.

В спектакле Малого театра один из исполнителей роли Сергея Горлова — Константин Назаров — выпускник Театрального училища имени Щепкина.

Это первая роль молодого артиста.

— Образ Сергея Горлова, гвардии лейтенанта и, должно быть, моего ровесника, близок и понятен мне, — говорит К. Назаров. — Мне кажется, что это один из наиболее удачных образов пьесы. Я, во всяком случае, очень его полюбил. Среди героев Сталинграда, среди наших молодых воинов есть много похожих на моего Сергея.

Его отвага, его презрение к смерти, его любовь к родине — всё это черты, типичные для нашей молодёжи. Но молодой лейтенант переживает на фронте и большую личную драму: он разочаровывается в своём отце, старом вояке, командующем фронтом. Наблюдая столкновение между отцом и командующим армией Огневым, молодым талантливым генералом, Сергей убеждается в ограниченности и отсталости отца, а следовательно, и в том, что несмотря на свою преданность и личную отвагу отец его не может быть в наше время командующим фронтом. Сергей целиком на стороне Огнева.

Семья Сергея — это его батарея, его артиллеристы — «апостолы», как он их называет («Они настоящие апостолы, чудеса делают каждый день!»).

Тёплая дружба связывает бойцов-гвардейцев и гвардии лейтенанта Сергея Горлова.

«Я о каждом на своей батарее знаю всё. А они знают обо мне всё. Живём как одна семья», — говорит он, влюблённый в своих артиллеристов, восхищённый их естественным героизмом, простым, чуждым фразы.

— Я счастлив, — заключает артист нашу беседу, — что исполняю роль молодого героя наших дней, что именно эта роль — первая моя роль в Малом театре и что устами Сергея мне удаётся сказать то, что я испытываю сам.

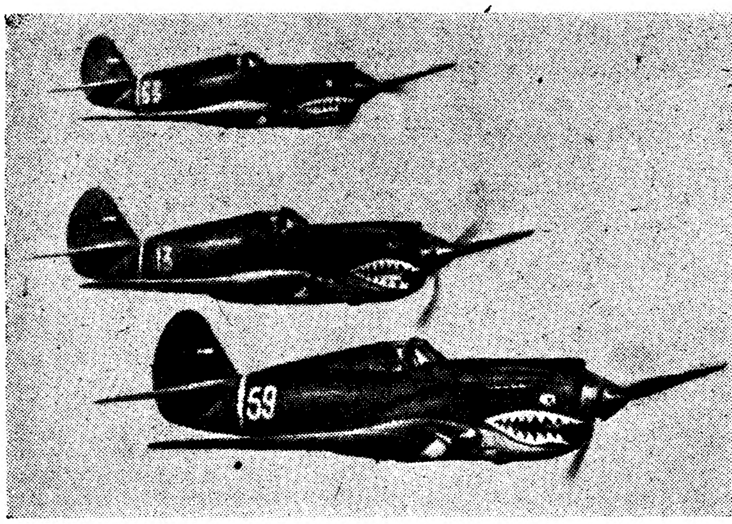
Л. Лозинская.

Артист К. Назаров в роли Сергея Горлова.

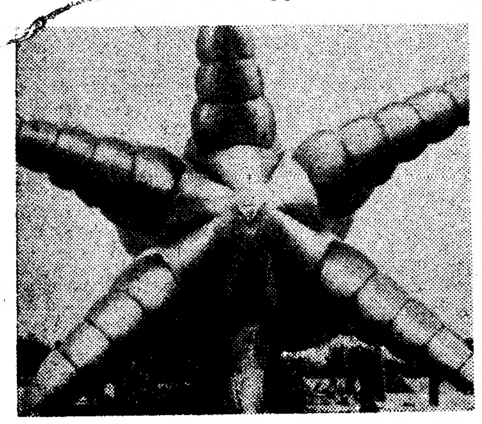
Техника за рубежом

НЕБЕСНЫЕ АКУЛЫ

На тихоокеанском театре военных действий появился отряд «небесных акул» — боевых американских самолётов, напоминающих своим видом морских хищников, стая которых неожиданно вынырнула из морских пучин и поднялась в небо. На фюзеляже самолёта, в передней его части, нарисована видная на далёком расстоянии оскаленная пасть.

БАЛЛОН ЗАГРАЖДЕНИЯ — «МОРСКАЯ ЗВЕЗДА»

Слева — новейший американский баллон воздушного заграждения. Это обыкновенный баллон, имеющий «хвостовое оперение» в виде пяти заполненных газом продолговатых щупальцев.

Встреча с таким заграждением не сулит ничего хорошего неприятельскому самолёту: опасен не только стальной трос, на котором держится баллон, но и его распластавшиеся в воздухе, по пяти направлениям, мощные щупальца.

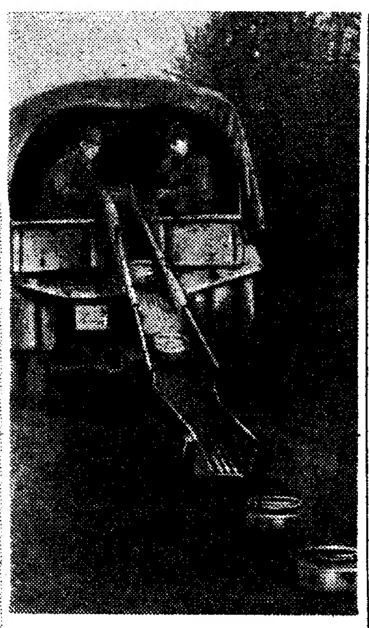
КАСКА НА ВСЕ СЛУЧАИ

В американской армии введена новая, двойная каска: нижняя часть её представляет собой самостоятельный пробковый шлем, верхняя, снимающаяся часть — стальная.

На правом снимке — боец снимает стальную покрышку каски; на левом — каска в боевом положении.

ТАНКИ НЕ ПРОЙДУТ

До сих пор установка противотанковых мин производилась вручную, что требовало много времени и лишних усилий. Теперь в США внесена рационализация и в эту область: на машинах, усеивающих минами дороги и поля, установлен жолоб, соприкасающийся с поверхностью земли. Сапёры, следуя за двигающейся машиной, маскируют мины, плавно соскальзывающие из машины на землю.

ДЛЯ ЗАЩИТЫ ОТ ВЗРЫВНОЙ ВОЛНЫ

Матрац, набитый тонкой металлической стружкой, успешно может служить для защиты окон жилых и заводских помещений от действия взрывной волны. Преимущество такого ограждения, применяемого в некоторых странах, заключается не только в его повышенной прочности, но также и способности упругой, пружинящей стружки амортизировать воздушный удар.

Из прошлого

ПЕРВАЯ ГАЗЕТА В РОССИИ

«На Москве вновь ныне пушек медных и гаубиц и мортиров вылито 400... И ещё много форм, готовых великих и средних к литью пушек, гаубиц и мортиров. А меди ныне на пушечном дворе, которая приготовлена к новому литью, больше 40.000 пуд лежит».

Этой газетной заметке исполнилось двести сорок лет. Её прочли с отменным удовольствием русские люди в 1703 году, в первом номере невиданной ещё на Руси диковины — газеты. С этих «Ведомостей» повела своё летосчисление наша журналистика.

Знаменательно самое время рождения первой в России газеты. По слову Пушкина, в то время

«...Россия молодая,
В бореньях силы напрягая,
Мужала с гением Петра».

Петровская Русь утверждала свои права великой державы на бранном поле. Шла борьба со Швецией за выход к Балтийскому морю. Среди кипучих военных работ Пётр I нашёл время, чтобы тщательно подготовить выход газеты и принять непосредственное участие в её редактировании. И газета стала могучим оружием в борьбе за славу, за будущее родины.

В скупых и кратких по размеру своего листа заметках «Ведомости» сообщали о том, что делается в стране для помощи армии. «Ведомости» перечисляли новое оружие, литьё, работу заводов.

Газетный лист украшают сообщения о воинских подвигах, о действиях партизан. Вот одно из таких знаменательных сообщений:

«Олонецкий поп Окулов набрал с тысячу человек охотников, перешёл рубеж и, напав на шведов, побил 450 человек. А из русских воинов только двоё ранены были».

Но молодая Россия побеждала не только силой и искусством своих полков, не только русской отвагой: она побеждала своим неустанным культурным ростом. В суровые дни военной борьбы увеличивалось в стране количество школ.

«В математической штурманской школе,— сообщают «Ведомости», — больше 300 человек учатся и добре науку приемлют».

И здесь же рядом сообщение о научной работе,— казалось бы, отвлечённой от войны, но которая ни на день не останавливалась в военные годы:

«Повелением его величества московские школы умножаются, и 45 человек слушают философию и уже диалектику окончили».

Петровская Русь уверенно шла к Полтавской победе, которая решила исторический спор, увенчала победой молодую русскую армию. Первая скромная русская газета была в арсенале тех средств, которые мобилизовали волю и силы народные. Петровские «Ведомости» заложили основы славных традиций русской журналистики.

А. Новиков

Спорт

НА ЛЕДЯНОМ «ПОЛЕ БОЯ»

В Москве есть команда хоккеистов, которая вот уже в течение многих сезонов не проиграла ни одного первенства, не понесла поражения ни в одном блицтурнире. Это женская команда общества «Буревестник».

Шесть сезонов подряд (1936—1941) чередовались всесоюзные первенства и розыгрыши «Кубка СССР». И все шесть спортивных зим команда в голубых комбинезонах с белой распростёртой птицей на груди добывает славу команде.

Душа команды «Буревестник» — заслуженный мастер спорта Вера Прокофьева. Это она привила своим подругам необходимую резкость, нужную быстроту, силу и точность удара, напористость и волю к победе.

Московский хоккейный сезон 1942—1943 года начался на малом стадионе «Динамо» традиционной пулькой на льду. Женская команда «Буревестник» не изменила своей традиции выигрыша. Чемпион выиграл финальный матч у московских динамовок со счетом 1 : 0.

Мало уступает в спортивной славе хоккейных битв одиннадцати буревестницам мужская команда московского «Динамо». Два выигранных первенства СССР, три победы в розыгрышах «Кубка СССР» — таков счёт славы чемпионов. В главных противниках динамовцам состоит команда Центрального Дома Красной Армии. У динамовцев непревзойдённая пятёрка нападения, у спортсменов Красной Армии непробиваемая защита. В прошлогоднем сезоне команда ЦДКА (победитель «Кубка СССР» в 1939 году) выиграла у динамовцев «Кубок Москвы». В московском блицтурнире 1942 года команды встретились в финальном матче и закончили его вничью — 1 : 1.

Платон Ипполитов,
заслуженный мастер спорта СССР

Хоккейный блицтурнир на стадионе «Динамо». На льду — женские команды «Динамо» — «Локомотив».

Фото Н. Волкова

Юмор

У ВХОДА В ВЕРХОВНЫЙ СУД В ЛОНДОНЕ

ПОЛИСМЕН: — Вы ждете кого-нибудь, сударыня!
ОНА: — Я не намерена пропустить суда над Гитлером. За всю свою жизнь не упустила ни одного крупного процесса.

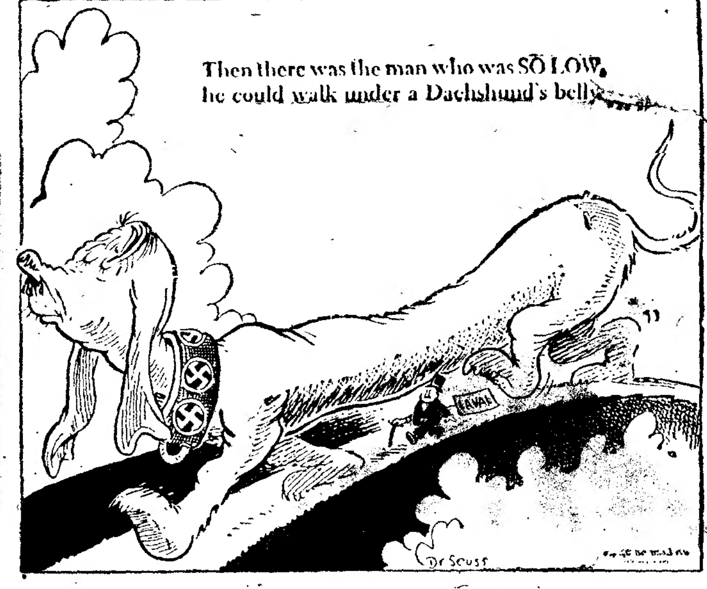
«Дэйли геральд», Лондон →

ПО ПОВОДУ ЛАВАЛЯ

Ниже этого человека не найти: он может свободно разгуливать под брюхом немецкого пса.

↓ Рисунок американского художника Сюсса

ПОПАЛИ В ТОЧКУ

Отобрав у Франции вопреки компьенскому договору о перемирии Эльзас и Лотарингию, немцы прежде всего приступили к переименованию городов, улиц и площадей. Площадь Республики в городе Мюлузе была переименована в площадь Геринга, а идущая от неё главная магистраль, называвшаяся Рю де Соваж (улица Дикаря), — в улицу Адольфа Гитлера. Эльзасцы охотно приняли новое название:

— Рю де Соваж? Она теперь называется именем Адольфа Гитлера. Стало быть, ничего не переменилось.

В конце концов немцы поняли свою оплошность, и переименование пришлось отменить. Это не помешало эльзасцам снова смеяться:

— Улица Адольфа Гитлера? Такой нет. Она называется улицей Дикаря попрежнему, но это та же улица...

В конце номера

КАРФАГЕН

Бои в Тунисе подходят к тому пункту, где две с лишним тысячи лет назад произошло одно из величайших в древности сражений. Борьба и тогда велась за господство в Средиземноморском бассейне. Между городами Тунисом и Бизертой находился Карфаген — могущественный политический центр одного из государств древнего мира. После двух Пунических войн и побед карфагенского полководца Ганнибала в Европе Рим понял, что предстоит последняя, решительная схватка. В своих речах в сенате и на площадях Рима, обращаясь к согражданам, римский сенатор Катон не уставал повторять: «Как бы там ни было, но Карфаген должен быть уничтожен». Так он обычно заканчивал рассуждения о необходимости победы над Карфагеном.

Мобилизовав весь свой флот, римляне перебросили на африканский берег большую армию под командой Сципиона, но совладать с Карфагеном было очень трудно. Началась планомерная осада. В разных местах страны происходили отдельные стычки. Наконец, Карфаген решил дать генеральное сражение римлянам, двинув против них все виды войск: нумидийскую конницу, пехоту и, наконец, своё главное оружие — громадных слонов, с которых сидевшие на них воины поливали врага горящей смолой и осыпали тучами отравленных стрел. Сражение закончилось поражением карфагенян.

Несмотря на свои укрепления и крепкие стены, Карфаген был взят штурмом и подвергнут полному уничтожению. Через некоторое время римляне построили здесь новый город, который не раз и в следующие эпохи подвергался нападениям — то арабов, то турок, то крестоносцев. В конце концов город совершенно сравнялся с землей. В настоящее время на холмах, где когда-то возвышались дворцы богатых карфагенских купцов и храмы из лучшего мрамора, среди диких кустарников пасутся стада овец тунисских крестьян и скотоводов. Кое-где можно встретить развалины римских построек: обширного амфитеатра и примыкающей к нему тюрьмы, цистерн и случайно сохранившихся стен. В центре древней столицы помещаются археологический музей и монастырь иезуитов, где похоронен умерший здесь от холеры в походе на Иерусалим французский король Людовик IX.

В музее посетителя могут увидеть найденные при раскопках светильники, кольца и другие предметы домашнего обихода римлян и карфагенян, а также искусно сделанные макеты карфагенских «танков» — огромных слонов, увешанных со всех сторон деревянными, обшитыми кожей щитами, с бойницами, через которые карфагенские «танкисты» ошеломляли врага потоками стрел и огня.

Зам. отв. редактора — И. ЕРУХИМОВИЧ. Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА».
А17. 2 п. л. Подписано к печати 11/I—43 г. Изд. № 71. Тираж 150.000. Заказ № 3627.
Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.